

УДК 316.772.4:17.022.1:364.122.8

**МУЖЕСТВО БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ
С СИТУАЦИИ ИНВАЛИДНОСТИ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ
КОНТЕКСТЫ**

**THE COURAGE TO BE A PERSON WITH
A DISABILITY SITUATION: SEMANTIC AND
EXISTENTIAL CONTEXTS**

**МУЖНІСТЬ БУТИ ОСОБИСТІЮ
З СИТУАЦІЇ ІНВАЛІДНОСТІ: СЕМАНТИЧНІ
І ЕКЗИСТЕНЦІЙНІ КОНТЕКСТИ**

Мринская Н. А.,
аспирант кафедры культурологии
и философской антропологии,
Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова (Киев, Украина), e-mail:
ezo.prom@gmail.com

Mrinska N. A.,
graduate student, Chairs of cultural studies
and philosophical anthropology
National Pedagogical Dragomanov University
(Kyiv, Ukraine), e-mail: ezo.prom@gmail.com

Мринська Н. А.,
аспірант кафедри культурології та
філософської антропології, Національний
педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова
(Київ, Україна), e-mail: ezo.prom@gmail.com

Рассмотрены сущность и понимание формулировок, связанных с восприятием инвалида в обыденном бытии. В статье определяются основные понятия, относящиеся к индивидуальным особенностям людей с инвалидностью, и определяется значимость языковых оборотов. Осмысливается философская позиция относительно понятий «человек с ограниченными возможностями» и «человек с особыми потребностями», как характеристика для инвалида в обыденной речи. Предлагается обоснование для применения другого фразеологизма: «человек с особыми возможностями».

Ключевые слова: инвалид, индивидуальность, человек с ограниченными возможностями, человек с особыми потребностями, человек с особыми возможностями.

The essence and understanding of the formulations related to the perception of a disabled person in everyday life are considered. The article defines the basic concepts related to the individual characteristics of people with disabilities, and determines the significance of language turns. The philosophical position regarding the concepts of «people with disabilities» and «people with special needs» is interpreted as a characteristic for a disabled person in everyday speech. A rationale is proposed for the use of another phraseological unit: «a person with special abilities».

Keywords: disabled person, individuality, person with disabilities, person with special needs, person with special abilities.

Розглянуто сутність і розуміння формулювань, пов'язаних зі сприйняттям інваліда в повсякденному бутті. У статті визначаються основні поняття, пов'язані з індивідуальними особливостями людей з інвалідністю, і визначається значущість мовних зворотів. Осмислюється філософська позиція щодо понять «людина з обмеженими можливостями» та «людина з особливими потребами», як характеристика для інваліда в повсякденній мові. Пропонується обґрунтування для застосування іншого фразеологізму: «людина з особливими можливостями».

Ключові слова: інвалід, індивідуальність, людина з обмеженими можливостями, людина з особливими потребами, людина з особливими можливостями.

(стаття друкється мовою оригіналу)

Актуальность проблемы. Процесс изучения понятий и формулировок, дающих характеристику

инвалиду за последние годы, трансформировался в результате принятия традиций гуманистического общества. Почти все понятия и формулировки несут дискриминирующий характер из-за того, что не учитывают воздействия смысловых факторов на сознание и бессознательное человека. Рассмотрение данного вопроса через призму принятия понятий, связанных с характеристиками людей, как раз и в состоянии создать более совершенное, глубоко аргументированное определение человека с инвалидностью, обладающей мужеством быть личностью.

Суть понятия «инвалид» лежит в правовом поле, но основные определения «человек с ограниченными возможностями» и «человек с особыми потребностями», которыми пользуются в повседневной речи представители обыденного бытия, не соответствуют личности в ситуации предельного бытия. Именно они накладывают основную отпечаток на восприятие инвалида обществом. Эти термины настолько устойчиво вошли в нашу жизнь и являются словесным оборотом, не закрепленным ни в одном из документов, что найти истоки и авторство этих определений невозможно.

Актуальным вопросом является создание новой, менее «болезненной» формулировки для личности инвалида, более понятной для всего социума. Такая формулировка служила бы рычагом понимания инвалида и давала бы ему полную характеристику, не ограничивая и не создавая препятствий в процессе восприятия его как личности.

Целью статьи является осознание вопроса о дискриминации инвалида в контексте употребляемых понятий: «человек с ограниченными возможностями» и «человек с особыми потребностями» и выдвижение более лояльной и более точной модели словосочетания, которая дала бы адекватную концепцию восприятия инвалида.

Состояние исследования. «Философия слова» проникнута духом символа. Слова, символы намекают на некую тайну и являются ключами, с помощью которых можно открыть дверь в неизвестное» [14, с. 1]. Анализ литературы показывает, что проблема взаимосвязи языка с бытием была со всей очевидностью поставлена в таких философских направлениях, как марксизм, философия жизни, позитивизм, экзистенциализм, структурализм, психоанализ, неокантианство.

Основу для изучения этой проблемы составили идеи таких мыслителей, которые озвучивали ряд принципиальных положений в отношении взаимосвязи языка и бытия. М. Хайдеггер [17], сделавший анализ языка основой своей философии, Л. Витгенштейн [3], перевернул представление о взаимосвязи языка и общества. Антропологический взгляд на лингвистику в структурном анализе выразил М. Шелера [20; 21], К. Леви-Стросса [11]. Фуко же создает концепцию не только временной зависимости языка в книге «Слова и вещи», а и социального восприятия [16]. В свою очередь Н. С. Автономова [1], в анализе книг Фуко раскрывает философские проблемы

языка. Такие классики философской мысли, как Х. Арендт, Г. Гегель, И. Кант, М. Мерло-Понти, Х. Ортега-и-Гассет, С. Франкл также затрагивали вопросы морали и стратегии общения людей по отличительным признакам.

Саму же проблему инвалидности, как структуру дефектологии рассматривал Л. С. Выготский [5; 6] и в русле личностно-ориентированного подхода можно отнестись к работам С. Франкла. Как говорил Н. Бердяев о размышлениях С. Франкла в книге «Непостижимое»: «...он слишком верит в познание через понятие» [2, с. 65].

«Язык – это раздробленная, внутренне расколота и видоизмененная природа, утратившая свою изначальную прозрачность; это – тайна, несущая в себе, но на поверхности, доступные расшифровке знаки того, что она обозначает» [16, с. 71].

Опираясь на опыт философов в формировании личного и общественного мнения, можно сказать, что язык – это символическая структура, которой пользуются все, независимо от образования, возраста или моральных ценностей. Именно язык регламентирует, структурирует и определяет мир восприятия на самом первоначальном уровне общения. Образы, которые отражаются в формах речи, закрепляются на глубинном уровне восприятия, и именно они в состоянии дать характеристику мировоззрения и мироощущения субъекта, как основные положения бытия и определение персоны в социуме.

Речь образует качественные характеристики мышления и дифференцируется через психологически чувственные процессы самой личности. В. Глухов в книге «Психолингвистика» определяет отношение к языку: «Роль языка и речи в онтогенезе психики и ее сформированном состоянии очень велика. Равно как велика и роль психики в усвоении и употреблении языка и формировании речевой способности» [8, с. 162].

Речевые обороты складываются в укореняемые мыслеформы, что и составляет представление человека о том или ином предмете, действии или проблеме. Базой для восприятия речи служат основные понятия, иногда природно-синтезированные, иногда синтетически введенные в формы речевого общения, но все это создает предмет понятийного мышления: «вместе со словом в сознание человека вносится новый *modus operandi*, новый способ действия» [6, с. 371]. Как пишет украинский философ Н. Хамитов в книге «Философия. Бытие. Человек. Мир»: «предмет понятийного мышления есть часть реальности на стыке мышления и бытия. Постигая предмет как единство объектов, понятийное мышление стремится преодолеть свой абстрактный характер в логическом движении, конкретизирующем понятия и видение мира через понятия» [19, с. 67]. Таким образом, в обществе возникли некоторые узнаваемые фразеологизмы, ориентированные на первичные предубеждения социальных, культурных и нравственных аспектов восприятия феномена «инвалида».

Инвалид, как человек, поставленный в условия предельного бытия, обладающий мужеством жить в ситуации боли, страха, отчаянья, требует более полного и аргументированного обозначения своей личности в обыденном бытии и фиксации своей значимости не только для социума, но и для себя.

Формирование понятий складывается в результате особого взгляда на проблематику вопроса и является знаковым кодом, который воспринимается с определенных позиций общества. Конstellация между различными общественными мнениями и суждениями не является общерешающей в данной проблематике формообразующего фразеологизма, а служит лишь результатом ожидания балансной кумулятивной трансформации в точках зрения на проблему.

Сущность любой личности заключается в понимании своей роли в бытии. Основные задачи становятся неразрывно связанными с определениями и функциями личности. «Иметь сферу абсолютного бытия перед мыслящим сознанием – это принадлежит к сущности человека и образует вместе с сознанием, сознанием мира, языком и совестью одну неразрывную структуру» [20, с. 4]. Инвалид, как личность, создающая и творящая новую реальность в переосмыслении измененного себя, полагается на формулировки и обозначения своего «Я», в пространстве, социуме, бытии. «Представления и опосредствованное мышление никогда не смогут указать нам на что-то другое, чем так – бытие и инобытие этой действительности» [21, с. 39].

В связи с восприятием определения «инвалид» существует ряд таких понятий и закрепленных социумом стереотипов. Сегодня научный и социальный подход к определению понятия «инвалид» больше регламентируется не научными и не социально-правовыми рамками, а дифференцируется в понятийных структурах повседневной жизни с индивидуальным окрасом. Эти понятия становятся не менее, а может, даже более значимы, так как обыденная лексика в своих ненаучных конструкциях способна создать значимость в общественном сознании и имеет силу проникать в структуру не только речи обывателя, но и влиять на создание мыслеобразов.

В большинстве речевых функций проявляется теснейшая связь речи и мысли. Речь неотделима от мысли: «...речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация мысли» [5, с. 295].

Но перед тем, как рассматривать речевые обороты, связанные с проблематикой инвалида и оценивать значимость смысла фразеологизмов, связанных с ней, стоит понять официальный принятый понятийный аппарат в этом вопросе.

Официальную основу к определению «инвалид» накладывают правовые акты, такие, как Конвенция о правах инвалидов принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года [10], подписана и Украиной, как правовой державой, вовлеченной в процесс глобализации и демократизации.

На это ориентированы многие правовые документы Украины, связанные с инвалидами:

Закон України «Об основах социальной защищенности инвалидов в Украине», введен в действие Постановлением Верховной Рады №876–ХІІ (876–12) от 21.03.91 г. [9]. Закон Украины «О реабилитации инвалидов в Украине» направлен на трудовую реабилитацию, что соответствует ст.27 Конвенции «Труд и занятость». Был принят ряд постановлений и приказов: Постановление Кабинета Министров Украины от 31.01.2007 г. №70 «О реализации статей 19 и 20 Закона Украины» Об основах социальной защищенности инвалидов в Украине»; Постановление Кабинета Министров Украины от 16.02.2011 г. №121 «Об утверждении Положения о централизованном банке данных по проблемам инвалидности»; Приказ Министерства социальной политики Украины от 14.04.2011 №129 «Об утверждении Положения о Фонде социальной защиты инвалидов»; Постановление КМУ №554–2012–п от 20.06.2012 «О проведении мониторинга и оценки эффективности программ социальной поддержки населения», которым утвержден Порядок проведения мониторинга и оценки эффективности программ социальной поддержки населения. Все положения, законы и правовые акты используют одно определение «инвалид», не разделяющее человека по признакам и отличиям. Но современное общество требует конкретизации и установления более лояльных словесных форм при обозначении проблемного участка бытия человека в русле его возможностей.

Следует понять и определить саму характеристику инвалида на уровне семантического восприятия и наделить тем самым новое понимание инвалида в рамках социальных процессов современного общества на пути его социализации. Наше поведение, отражение нашего определения «это значит, – по мнению М. Шелера, – что всякое поведение всегда выражает и внутренние состояния. Поэтому оно может и должно объясняться всегда двояко, одновременно физиологически и психологически; одинаково ложно предпочитать психологическое объяснение физиологическому или последнее первому» [21, с. 40]. Поэтому для определения человека, находящегося в ситуации инвалидности, так важны четкие формулировки, относящиеся к его физиологическому и психологическому состоянию. Не выделенные или не обозначенные понятийным аппаратом термины, «впитываются» в сознание и бессознательное социальной среды и возникает стихийная деструктивность для развития человека, опасная и непредсказуемая своим последствиям социальная ситуация. «Современная, изменчивая социальная среда имеет мозаичную структуру, она чрезвычайно темпоральна, чувствительна к малым воздействиям, отличается отсутствием устойчивых, долговременных связей и зависимостей. Она предлагает современному человеку постоянно меняющиеся ценности, смыслы и стили, число которых неуклонно возрастает. Все это делает социализацию существенно нелинейным процессом. Современный человек вследствие активного взаимодействия разных культур с

помощью массовой информации испытывает сложности социального самоопределения и идентификации» [13, с. 48].

Можно согласиться с В. Верещагиным, что «выработка общенаучного понятия – сложный процесс: первоначально оно формируется как обобщение односторонних определений сущности исследуемого явления, а потом получает философское обоснование, в рамках которого абстрактно общее, в определенной мере бедное по содержанию общенаучное понятие наполняется мировоззренческим и методологическим содержанием» [4, с. 12]. Именно поэтому следует анализировать не только правовые и юридически выверенные понятия, но и обыденные формы речи, где определение пускает корни и создает паттерны восприятия.

На первичном этапе определений важным является не только самоопределение, но и отношение к этому определению людей обыденного и предельного бытия в рамках их мировоззрений. «Обыденное бытие человека выражает его адаптацию к материальной жизни общества. В обыденном бытии человек живет стереотипом: «не хуже других»» [19, с. 109]. «Предельное бытие или бытие–на–пределе есть бытие, порождающее личностное начало и отрицающее обыденность» [19, с. 111]. «Главной чертой обыденного мировоззрения является его несамостоятельность. Человек – носитель обыденного мировоззрения – находится под влиянием массы людей» [19, с. 30]. «Личностное мировоззрение во всех своих чертах противоположно обыденному... Личностное мировоззрение так или иначе тяготеет к системности – последовательности и цельности. Но человек, обладающий таким мировоззрением, далеко не всегда способен объединить внутренний мир в такую целостность, где все части необходимо и свободно соединены друг с другом» [19, с. 31].

С одной стороны, мы видим инвалида, как человека предельного бытия, с другой стороны, – отдельных представителей общества, не имеющих к инвалидности никакого отношения. В результате возникает непонимание сторон на уровне понятий и характеристик. Не обладая личностным мировоззрением и смотря на мир сквозь призму стереотипов, человек обыденного бытия воспринимает инвалида по предложенным фразеологизмам «ограниченным в возможностях» и с «особыми потребностями», тем самым выстраивая систему ценностей по отношению к инвалиду и опираясь только на отличительные характеристики.

Сфера применения определения на уровне культуры социальной среды может значительно расширится, и тогда к определению «инвалид» в обыденной речи добавятся более точные характеристики, к которым будут относиться все духовные достижения той или иной языковой общности. Это открывает новые перспективы в области философии культуры, заключающиеся в анализе связей языка с самой сутью вопроса определения «инвалид» с философией принятия

определения на двух, описанных выше уровнях, – социальном (абстрактной полноценной личностью) и индивидуальном (инвалида).

Такие фразеологизмы существуют и достаточно корректно определяют феномен инвалидности. Звучат они, как «человек с особыми потребностями» и «человек с ограничениями возможностями», но они не осмысленны в контексте философского мировосприятия и не взаимодействуют с комплексом чувств, убеждений и суждений самого индивида в трансформационной знаковости. Так модели индикации попадают в рамки прочно вошедших в обиход определений и становятся удобными инструментами для самого общества, игнорируя при этом восприятие инвалидов. Эти фразеологизмы строят целый мир эгоцентризма, где центром выступает не индивидуум (инвалид), а здоровый человек. Само словосочетание определяет потребности гуманного отношения и моральной целесообразности, что и создает противоречия в трансформационном обществе, которое согласно заботиться об инвалиде. По сути, это и дискриминирует личность инвалида на сознательном уровне его принятия, через самоопределение в словосочетании.

Целесообразно признать, что западный мир, построенный на принципах гуманизма, прошел большой путь решения моральной дискриминации, но и там до сих пор нет полного и единого определения относительно идентификации личности с подобными проблемами. Мы удачно пользуемся находками англоязычных стран, где отделено что «people first language», то есть при любом использовании в значении «инвалид» нужно сначала понимать его, как человека. И человек является самой составляющей в любой характеристике инвалида, – человек в инвалидной коляске, а не инвалид–колясочник; ребенок, у которого аутизм, а не аутист; девушка с диагнозом ДЦП, а не «децепешница».

Проблему невозможно решить в течение нескольких лет, но используя достижения других стран, необходимо формировать общее восприятие толерантности в Украине, избравшей гуманистический путь развития.

Возвращаясь к общепринятым характеристикам инвалидности, – «человек с особыми потребностями» и «человек с ограниченными возможностями», не можем не отметить, что эти фразеологизмы – большое достижение в обозначении феномена инвалидности за последнее десятилетие. Они уверенно распространяются, но все же, не являются совершенной характеристикой проблемы, так как показывают ее видение только с одной точки зрения, – с точки зрения здорового человека.

Если определить понятия, заключенные в данных фразеологизмах и свести их до уровня мыслеобраза, мы найдем ряд противоречий, которые аргументированы и критичны, что создают определенный дисбаланс в условиях социальной терпимости и инклюзии. Слово «человек», стоящее впереди, исключается из данного анализа, так как является всего лишь определяющим вектором,

который характеризует взаимоотношения между «человеком» и «человеком». При этом не учитывается личностное пространство и не создается среда единения и причастности, дающая раскрыть свою сущность на глубинных, настоящих определениях человечности.

Так, к осмыслению предложены два словосочетания, которые, по мнению автора, имеют модульные трактовки, создающие ошибку в восприятии человека–инвалида, как части общества, которая требует не просто внимания, а пристального внимания.

«Особые потребности» – это первое и потенциально опасное словосочетание, которое не дает возможности инвалиду быть равноправным членом общества. Слово «потребности» с добавлением «особые» дистанцирует этого «особого человека» от «обычного» окружения.

Инвалид стремится к тому же, имеет те же цели, что свойственно желать, получать и достигать любому человеку. На физиологическом уровне ему нужно есть, пить и дышать, и это мало отличается от потребностей любого другого человека. В духовном плане ему нужна забота, внимание и любовь, и это опять его не выделяет из ряда индивидуальных особенностей. И только на экзистенциальном уровне инвалид более уязвим.

Потребности инвалида обыденны и понятны и не выделяются из рамок потребностей любой другой личности. По сути, такие же экзистенциальные проблемы может переживать любой другой человек, не будучи инвалидом.

«Особые потребности» – как определение не может существовать на философском уровне понимания проблематики инвалидности именно по причине применяемого слова «особые», где этимология самого слова «отличает», «исключает», «специализирует» инвалида как личность.

Беря во внимание окружение (среду) существования, инвалид действительно «ограничен», но только на физическом уровне. На практике подобное словосочетание используется для характеристики самой личности, что недопустимо, поэтому нужна корректировка на уровне самого определения, примененного для человека в его целостности, учитывая телесный, душевный и духовный уровни. «Поведение сначала мотивируется чистым так–бытием возвышенного до предмета комплекса созерцаний, причем принципиально независимо от физиологической определенности человеческого организма, независимо от импульсов его влечений и вспыхивающей именно в них и всегда модально, т.е. оптически или акустически и т.д.» [21, с. 55]. Так акустически пропуская через себя слово «ограничен», человек создает новые рамки своего поведения, не дающие возможность проявить мужество и внутреннюю силу.

«Большинство наших мнимых потребностей надуманные, а в некоторых случаях даже противоположные нашим истинным потребностям», – пишет Александр фон Шенбург в книге «Искусство стильной бедности» [22, с. 56].

Второе словосочетание «ограниченные возможности» заковывает в «рамки» и «ограничения» именно возможности инвалида как и любого другого человека не давая шанса на реализацию. У М. Хайдеггера звучит понятия «возможность возможностей» и «невозможность возможного», воспринимая возможность как проблемную точку бытия [18, с. 250–251, 260–267].

Аббаньяно пишет, что все возможности равнозначны, за исключением возможности смерти, но этот критический момент присущ во всех точках экзистенциального восприятия любым индивидуумом. Таким образом, отношение к понятию «возможности» становятся частью переживания. Возможность сама означает ссылку на противоречия, поэтому определение (ограничение) возможностей некорректно по своей сути даже на уровнях предельного и запредельного бытия, описанных Н. В. Хамитовым в метаантропологии [19]. Мы создаем пределы, способны ограничивать значимость человека уже на уровне провозглашения «возможности с ограничениями».

В Конвенции ООН, ст.2 в разделе определения указаны четкие понятия «дискриминация»: ««дискриминация по признаку инвалидности» означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области».

В словаре «Большой толковый словарь современного украинского языка», слово «ограничение» не нашло толкование в социальных, когнитивных значениях слова, выражены только экономические толкования и «Примитивный по смыслу» в значении: имеет узкий кругозор; духовно не развит; недалек, который выражает духовную неразвитость, недалекость. «Ограниченномышление» [7]. Все это создает определенное нездоровое поле восприятия в рамках понятийного аппарата, который, к сожалению, не отображает реальной сущности вещей и, напротив, лишь усугубляет, и укореняет дискриминационную составляющую в понятии «инвалид». В самом тексте определяются границы использования слов «ограничение», что создает прецедент лексического несоответствия на уровне семантики. В толковом словаре Даля мы не найдем слово «ограничение», но найдем его как синоним к слову «неволя», где оно стоит на уровне с такими понятиями, как несвобода, принуждение, нужда, подвластность силе, зависимость, покорность чужой воле, желания и самого действия.

Таким образом, ни одно из, казалось бы, корректных словосочетаний, не может быть использовано в повседневной речи обыденного бытия. Рассматривать необходимо не только бытийное употребление фразеологизма в контексте общих проблем инвалида, но и его символическое воздействие с понятием конкретного смысла в кругу носителей языка. Культурные смыслы становятся объектом логической и лингвистической

семантики, в которой значение несет каждое слово во фразеологической цепочке.

Необходимость создать новый понятийный аппарат требует более характерного определения понятия «инвалид» в его персонифицированном пространстве, характеризует его как человека, не ограниченного рамками восприятия, как внутренними, так и внешними, но, тем не менее, требуют определенной характеристики его потребностей. Создание подобного уровня определений и введение их в рамки повседневной речи обыденного бытия способны изменить взгляд общества на проблему инвалидности и переосмыслить ее с уровня «особых потребностей» до уровня «не ограниченных возможностей». Таким образом, более характерным словосочетанием может служить «человек с особыми возможностями».

В данном случае мы не ограничиваем возможности и персонифицируем понятие потребностей. Значимость понятия размещено на уровне восприятия и дает наиболее полную характеристику личности инвалида, где его возможности причислены к особым, но не имеют рамок структурного значения, и в тоже время, создают свободу для приложения в действии этих возможностей.

Важность языковых оборотов составляет главную и значимую точку не в восприятии самой проблемы, а в особенности определённой личности, которая не ограничивается, и становится способна к самовыражению в рамках морально–этических норм поведения, заложенных в определённом социуме.

«Положение языка в классической эпистеме одновременно и скромное, и величественное. Хотя язык теряет свое непосредственное сходство с миром вещей, он приобретает высшее право – представлять и анализировать мышление» – пишет Н. С. Автономова в предисловии книги Фуко «Слова и вещи» [1, с. 32]. Именно мышление и стоит менять по отношению к инвалиду и именно понятийный аппарат сможет служить рычагом воздействия на общее представление об индивидуальности каждого отдельного человека в рамках понятия «инвалид».

Изменяя понятийный аппарат в повседневной речи в рамках обыденного бытия, мы создаем более четкие словосочетание для восприятия проблемы человека в ситуации инвалидности, и тем самым, создавая оценку инвалида не как личности, требующей «особых потребностей» или личности с «ограниченными возможностями», а полноценного индивидуума, причем с «особыми возможностями», которые и дают ему право быть целостной структурой социума, способной наполнять и создавать, созидать и воплощать свои потребности в неограниченном мире возможностей.

Кому, как не человеку, имеющему мужество быть личностью в ситуации инвалидности, дано менять стереотипы восприятия самого себя, через смыслы и понятия. «Только человек – поскольку он личность – может возвыситься над собой как живым существом, – пишет М. Шелер, – и, исходя из одного

центра как бы по ту сторону пространственно–временного мира, сделать предметом своего познания все, в том числе и себя самого» [21, с. 61].

Предложенный автором фразеологизм «человек с особыми возможностями», – это важная потребность в знаковой характеристике личности на уровне лингвистического оборота, смысла и экзистенциальности, способного разрушить стереотипы в оценке инвалида обществом, относительно неполноценности тела, где ставится в приоритет его значимость и чувство уверенности в своей востребованности.

Именно об этом пишет А. Маслоу в работе «Мотивация и личность»: «Удовлетворение потребности в оценке, уважении порождает у индивидуума чувство уверенности в себе, чувство собственной значимости, силы, адекватности, чувство, что он полезен и необходим в этом мире. Неудовлетворённая потребность, напротив, вызывает у него чувство униженности, слабости, беспомощности, которые, в свою очередь, служат почвой для уныния, запускают компенсаторные и невротические механизмы» [12, с. 89].

Список использованных источников

1. Автономова, НС., 1994. 'Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» Текст', В: Фуко М. *Слова и вещи: Археология гуманитарных наук*, пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой, СПб.: А-сас1, с.7–28.
2. Бердяев, НА., 1939. 'С. Л. Франк «Непостижимое»', *Путь*, №60, с.65–67.
3. Витгенштейн, Л., 2010. 'Логико–философский трактат Текст', Пер. с англ.; Л: *Добросельского*, М.: АСТ: Астрель, 178 с.
4. Верещагин, ВЮ., 1988. 'Философские проблемы теории адаптации человека', Владивосток: *Изд–во Дальневост. ун–та*, 163 с.
5. Выгодский, ЛС., 2017. 'Мышление и речь. Серия «Мастера психологии»', СПб.: *Питер*, 432 с.
6. Выготский, ЛС., 1960. 'Развитие высших психических функций', М.: *АПН*, 130 с.
7. 'Великий тлумачний словник сучасної української мови', 5–е видання, 2005, Голов. ред. В. Т. Бусел, редактори–лексикографи: В. Т. Бусел, М. Д. Василюга–Дерibas, О. В. Дмитрієв, Г. В. Латник, Г. В. Степенко, К.: Ірпін': *ВТФ «Перун»*, 1728 с., ISBN 966–569–013–2
8. Глухов, ВП., 2008. 'Основы психолінгвістики: учебное пособие для студентов педвузов', М.: АСТ: Астрель, 351 с.
9. 'ЗАКОН УКРАЇНИ Про основи соціальної захищеності осіб з інвалідністю в Україні (назва із змінами, внесеними згідно із Законом України від 19.12.2017 р. N2249–VIII)', Закон введено в дію з дня опублікування – 27 квітня 1991 року.
10. 'Конвенция о правах инвалидов'. [online] Доступно: URL:<http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/500/81/PDF/N0650081.pdf?OpenElement>.
11. Леви–Стросс, К., 1983. 'Структурная антропология Текст', Пер. с фр., под ред. и с прим. Вяч. Вс. Иванова, М.: *Наука*, 536 с.
12. Маслоу, А., 2013. 'Мотивация и личность', СПб.: *Питер*, 352 с.
13. Николаева, ЕМ., 2004. 'Социализация личности как процесс преодоления объективации', *МОСТ (язык и культура) BRIDGE (language & culture)*, №13, с. 48–51.
14. Рогалев, АФ., 2010. 'Мир, человек, язык (опыт философии языка)', Гомель: *Барк*, с.162–163.
15. Франк, СЛ., 2010. 'Непостижимое', *Человек и Бог*, Минск: *Издательство белорусского Экзархата*, с.77–524.
16. Фуко, М., 1994. 'Слова и вещи: Археология гуманитарных наук', Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой, СПб.: А-сас1, 406 с.
17. Хайдеггер, М., 1993. 'Путь к языку', Статья и коммент. В. В. Библина, *Время и бытие: статьи и выступления*, с.359–379.
18. Хайдеггер, М., 1997. 'Бытие и время', пер. В. В. Библина, М.: *Ad Marginem*, 451 с.
19. Хамитов, НВ., 2017. 'Философия: Бытие. Человек. Мир. Курс лекций', К.: *КНТ*, 268 с.
20. Шелер, М., 1994. 'Избранные произведения': Пер. нем., Пер. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филиппова А. Ф.; Под ред., Денежкина А. В., М.: *Издательство–Гнозис*, 490 с.
21. Шелер, М., 1988. 'Положение человека в Космосе', *Проблемы человека в западной философии*, М., с.31–95
22. Шёнбург, А., 2007. 'Искусство стильной бедности', редактор Ю. И. Зварич, М.: *«Текст»*, 64 с.

References

1. Avtonomova, NS., 1994. 'Mishel' Fuko i ego kniga «Slova i veshhi» Tekst (Michel Foucault and his book «Words and Things» Text)', V: Fuko M. *Slova i veshhi: Arheologija gumanitarnykh nauk*, per. s fr. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoy, SPb.: A–sas1, s.7–28.
2. Berdjajev, NA., 1939. 'S. L. Frank «Nepostizhimoe» (S. L. Frank «The Incomprehensible»)’, *Put*, №60, s.65–67.
3. Vitgensteyn, L., 2010. 'Logiko–filosofskij traktat Tekst (Logical – philosophical treatise Text)', Per. s angl.; L: *Dobrosel'skogo*, M.: АСТ: Астрель, 178 s.
4. Vereshhagin, VJu., 1988. 'Filosofskie problemy teorii adaptatsii cheloveka (Philosophical problems of the theory of human adaptation)', Vladivostok: *Izd–vo Dal'nevost. un–ta*, 163 s.
5. Vygodskij, LS., 2017. 'Myshlenie i rech'. Serija «Mastera psihologii» (Thinking and speaking. Series «Masters of Psychology»)', SPb.: *Piter*, 432 s.
6. Vygot'skij, LS., 1960. 'Razvitie vysshih psihicheskikh funkciy (The development of higher mental functions)', M.: *APN*, 130 s.
7. 'Velykij tлумачnyj slovnyk suchasnoi' ukrai'ns'koi' movy (Great explanatory dictionary of modern Ukrainian language)', 5–e vydannja, 2005, Golov. red. V. T. Busel, redaktory–leksykoграфy: V. T. Busel, M. D. Vasyluga–Derybas, O. V. Dmytrijev, G. V. Latnyk, G. V. Stepenko, K.: Irpin': *VTF «Perun»*, 1728 s., ISBN 966–569–013–2
8. Gluhov, VP., 2008. 'Osnovy psiholingvistiky: uchebnoe posobie dlja studentov pedvuzov (Basics of psycholinguistics: a manual for students of higher education)', M.: *AST: Astrel*, 351 s.
9. 'ZAKON UKRAI'NY Pro osnovy social'noi' zahyshhenosti osib z invalidnistju v Ukraїni (nazva iz zminyamy, vnesenyymi zgidno iz Zakonom Ukraїny vid 19.12.2017 r. N2249–VIII) (LAW OF UKRAINE On the basis of social protection of persons with disabilities in Ukraine (the name as amended in accordance with the Law of Ukraine of January 19, 2017 N2249–VIII)), Zakon vvedeno v diju z dnja opublikuvannja – 27 kvitnja 1991 roku.
10. 'Konvencija o pravah invalidov (Convention on the Rights of Persons with Disabilities)'. [online] Dostupno: URL:<http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/500/81/PDF/N0650081.pdf?OpenElement>.
11. Levi–Stross, K., 1983. 'Strukturnaja antropologija Tekst (Structural Anthropology Text)', Per. s fr., pod red. i s prim. Vjach. Vs. Ivanova, M.: *Nauka*, 536 s.
12. Maslou, A., 2013. 'Motivacija i lichnost' (Motivation and personality)', SPb.: *Piter*, 352 s.
13. Nikolaeva, EM., 2004. 'Socializacija lichnosti kak process preodolenija ob'ektivacii (Socialization of personality as a process of overcoming objectification)', *МОСТ (язык и культура) BRIDGE (language & culture)*, №13, с. 48–51.
14. Rogalev, AF., 2010. 'Mir, chelovek, jazyk (opyt filosofii jazyka) (Peace, man, language (experience of language philosophy))', Gomel': *Bark*, s.162–163.
15. Frank, SL., 2010. 'Nepostizhimoe (Incomprehensible)', *Chelovek i Bog*, Minsk: *Izdatel'stvo belorusskogo Jekzarhata*, s.77–524.
16. Fuko, M., 1994. 'Slova i veshhi: Arheologija gumanitarnykh nauk (Words and Things: The Archeology of the Humanities)', Per. s fr. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoy, SPb.: A–sas1, 406 s.
17. Hajdegger, M., 1993. 'Put' k jazyku (Path to language)', Stat'ja i komment. V. V. Bibihina, *Vremja i bytie: stat' i vystuplenija*, s.359–379.
18. Hajdegger, M., 1997. 'Bytie i vremja (Being and time)', per. V. V. Bibihina, M.: *Ad Marginem*, 451 s.
19. Hamitov, NV., 2017. 'Filosofija: Bytie. Chelovek. Mir. Kurs lekcij (Philosophy: Being. Person. World. Lecture course)', K.: *KNT*, 268 s.
20. Sheler, M., 1994. 'Izbrannye proizvedenija (Selected Works)': Per. nem., Per. Denezhkina A. V., Malinkina A. N., Filipova A. F.; Pod rec., Denezhkina A. V., M.: *Izdatel'stvo–Gnozis*, 490 s.
21. Sheler, M., 1988. 'Polozhenie cheloveka v Kosmose (The position of man in space)', *Problemy cheloveka v zapadnoj filosofii*, M., s.31–95
22. Shjonburg, A., 2007. 'Iskusstvo stil'noj bednosti (The art of stylish poverty)', redaktor Ju. I. Zvarich, M.: *«Teks»*, 64 s.